

Paul CELAN

Aus dem Gedichtband »MOHN UND GEDÄCHTNIS«

TALGLICHT

Die Mönche mit haarigen Fingern schlugen das Buch auf: September.
Jason wirft nun mit Schnee nach der aufgegangenen Saat.
Ein Halsband aus Händen gab dir der Wald, so schreitest du tot übers
Seil.
Ein dunkleres Blau wird zuteil deinem Haar, und ich rede von Liebe.
Muscheln red ich und leichtes Gewölk, und ein Boot knospt im Re-
gen.
Ein kleiner Hengst jagt über die blätternden Finger –
Schwarz springt das Tor auf, ich singe:
Wie lebten wir hier?

ESPENBAUM

Espenbaum, dein Laub blickt weiß ins Dunkel.
Meiner Mutter Haar ward nimmer weiß.
Löwenzahn, so grün ist die Ukraine.
Meine blonde Mutter kam nicht heim.
Regenwolke, säumst du an den Brunnen?
Meine leise Mutter weint für alle.
Runder Stern, du schlingst die goldne Schleife.
Meiner Mutter Herz ward wund von Blei.
Eichne Tür, wer hob dich aus den Angeln?
Meine sanfte Mutter kann nicht kommen.

Пауль ЦЕЛАН

Избранные стихи

Перевод с немецкого Игнатия-Андрея Крекшина

Вместо предисловия

Выбранные почти наугад – так подбирают осколки драгоценного сосуда – фрагменты стихотворного наследия Пауля Целана позволяют всё же услышать голос поэта, свидетеля разверзтой бездне рокового XX века. Тема Шоа, Катастрофы европейского еврейства, которую Целан предпочитал обозначать скорее словом Хурбан (евр. - разрушение), запечатленная в незабываемой «Фуге смерти» (1947) и ставшая сквозной для всего его творчества, представлена стихами «Осина» (1945), «Tenebrae» (1957) и «Земля была в них» (1959). О том, что поэзия Целана не только была отмечена печатью трагедии и смерти, но и согрета глубоким лиризмом сокровенной любви, свидетельствуют публикуемые здесь «Сальная свеча» (1946), «Сорона», «Кто как ты» (оба стиха - 1948) и «Так много созвездий» (1960). Смерть, освященная памятью любви, и скрепленная смертью любовь – вспомним «крепка, как смерть, любовь» (Песнь Песней 8, б) – не это ли напряжение всей поэзии Целана? Не это ли итог жизни каждого из нас?

И.-А. Крекшин

Из книги «МАК И ПАМЯТЬ»

САЛЬНАЯ СВЕЧА

Чернецы с волосатыми пальцами открывают книгу: сентябрь.
Теперь Ясон бросает снег на взошедшие посевы.
Ошейник из рук давал тебе лес, и ты ступаешь мертво через струну.
Темная синь - удел волос твоих, и я говорю о любви.
Раковинами я говорю и легкими облаками, и лодка распускается в дожде.
Маленький жеребец мчится по листающим пальцам –
Мрачно распаиваются врата, и я пою:
Как жили мы здесь?

ОСИНА

Осина, твоя листва белеет во тьме.
Волосы моей матери никогда не побелели.
Одуванчик - так зелена Украина.
Моя белокурая мать не вернулась домой.
Туча дождевая, замедлишь ты у колодцев?
Моя тихая мать плачет за всех.
Круглая звезда, ты вьешься золотым шлейфом.
Сердце моей матери изранено было свинцом.
Дубовая дверь, кто снял тебя с петель?
Моя нежная мать не может прийти.

CORONA

Aus der Hand frißt der Herbst mir sein Blatt: wir sind Freunde.
Wir schälen die Zeit aus den Nüssen und lehren sie gehn:
die Zeit kehrt zurück in die Schale.

Im Spiegel ist Sonntag,
im Traum wird geschlafen,
der Mund redet wahr.

Mein Aug steigt hinab zum Geschlecht der Geliebten:
wir sehen uns an,
wir sagen uns Dunkles,
wir lieben einander wie Mohn und Gedächtnis,
wir schlafen wie Wein in den Muscheln,
wie das Meer im Blutstrahl des Mondes.

Wir stehen umschlungen im Fenster, sie sehen uns zu von der Straße:
es ist Zeit, daß man weiß!
Es ist Zeit, daß der Stein sich zu blühen bequemt,
daß der Unrast ein Herz schlägt.
Es ist Zeit, daß es Zeit wird.
Es ist Zeit.

WER wie du und alle Tauben Tag und Abend aus dem Dunkel
schöpft,
pickt den Stern aus meinen Augen, eh er funkelt,
reißt das Gras aus meinen Brauen, eh es weiß ist,
wirft die Tür zu in den Wolken, eh ich stürze.

Wer wie du und alle Nelken Blut als Münze braucht und Tod als
Wein,
bläst das Glas für seinen Kelch aus meinen Händen,
färbt es mit dem Wort, das ich nicht sagte, rot,
schlägst in Stücke mit dem Stein der fernen Träne.

Aus dem Gedichtband »SPRACHGITTER«

TENEBRAE

Nah sind wir, Herr,
nahe und greifbar.
Gegriffen schon, Herr,
ineinander verkrallt, als wär
der Leib eines jeden von uns
dein Leib, Herr.
Bete, Herr,
bete zu uns,
wir sind nah.

CORONA

Из руки моей осень ест свою листву: мы друзья.
Мы время вылуцываем из орехов и учим его ходить:
время возвращается в скорлупу.

В зеркале – воскресенье,
во сне спится,
уста говорят правду.

Мой взгляд опускается к лону возлюбленных:
мы разглядываем друг друга,
мы говорим загадками,
мы любим друг друга как мак и память,
мы спим как вино в раковинах,
как море в кровавом потоке луны.

Мы стоим, обнявшись в окне, они смотрят на нас с улицы:
пора знать!

Пора камню решиться цвести,
беспокойству в сердце бить.

Пора быть поре.

Пора.

Кто как ты и голуби все день и вечер черпает из тьмы,
звезду клюет из глаз моих, прежде чем она засверкает,
траву вырывает из бровей моих, прежде чем она побелеет,
дверь захлопывает в облаках, прежде чем я упаду.

Кто как ты и гвоздики все кровь как монету требует и смерть как
вино,
стекло выдувает из рук моих для чаши своей,
словом, что я не сказал, в красное красит его,
вдребезги разбивает его камнем чужих слез.

Из книги «РЕШЕТКА РЕЧИ»

TENEBRAE

Близко мы, Господь,
близко – схватишь рукою.
Уже схватились, Господь,
вцепились друг в друга, будто
тело каждого из нас –
твое тело, Господь.
Молись, Господь,
молись нам,
мы близко.

Windschief gingen wir hin,
gingen wir hin, uns zu bücken
nach Mulde und Maar.
Zur Tränke gingen wir, Herr.
Es war Blut, es war,
was du vergossen, Herr.
Es glänzte.
Es warf uns dein Bild in die Augen, Herr.
Augen und Mund stehn so offen und leer, Herr.
Wir haben getrunken, Herr.
Das Blut und das Bild, das im Blut war, Herr.
Bete, Herr.
Wir sind nah.

Aus dem Gedichtband »DIE NIEMANDSROSE«
(Dem Andenken Ossip Mandelstamms)

ES WAR ERDE IN IHNEN, und
sie gruben.
Sie gruben und gruben, so ging
ihr Tag dahin, ihre Nacht. Und sie lobten nicht Gott,
der, so hörten sie, alles dies wollte,
der, so hörten sie, alles dies wußte.
Sie gruben und hörten nichts mehr;
sie wurden nicht weise, erfanden kein Lied,
erdachten sich keinerlei Sprache.
Sie gruben.
Es kam eine Stille, es kam auch ein Sturm,
es kamen die Meere alle.
Ich grabe, du gräbst, und es gräbt auch der Wurm,
und das Singende dort sagt: Sie graben.
O einer, o keiner, o niemand, o du:
Wohin gings, da's nirgendhin ging?
O du gräbst und ich grab, und ich grab mich dir zu,
und am Finger erwacht uns der Ring.

Скособочась шли мы туда,
шли мы туда – склониться
над мааром и мультдой.
К пойлу шли мы, Господь.
Это была кровь, это было
тем, что ты пролил, Господь.
Она блестела.
Она бросала нам твой образ в глаза, Господь.
Глаза и рот столь открыты и пусты, Господь.
Мы испили, Господь.
Кровь и образ, что в крови был, Господь.
Молись, Господь.
Мы близко.

Из книги «НИЧЬЯ РОЗА»
(Памяти Осипа Мандельштама)

ЗЕМЛЯ БЫЛА В НИХ, и
они рыли.
Они рыли и рыли, так уходил
на это их день, уходила их ночь. И они не хвалили Бога,
который, как они слышали, всего этого хотел,
который, как они слышали, всё это знал.
Они рыли и больше ничего не слушали;
они не становились мудрей, не складывали песню,
не придумывали себе никакого языка.
Они рыли.
Штиль наступал, и шторм был порой,
и все моря наступали.
Я рою, ты роешь, и червь также роет,
и поющее там говорит: они роют.
О, некто, о, ты, о, никто, никакой:
Куда делось то, когда оно на бесцельность ушло?
О, ты роешь, я рою, и я зарываюсь с тобой,
и на пальце у нас пробуждается кольцо.

SOVIEL GESTIRNE, die
man uns hinhält. Ich war,
als ich dich ansah – wann? –,
draußen bei
den andern Welten.

O diese Wege, galaktisch,
o diese Stunde, die uns
die Nächte herüberwog in
die Last unsrer Namen. Es ist,
ich weiß es, nicht wahr,
daß wir lebten, es ging
blind nur ein Atem zwischen
Dort und Nicht-da und Zuweilen,
kometenhaft schwirrte ein Aug
auf Erloschenes zu, in den Schluchten,
da, wo's verglühte, stand
zitzenprächtigt die Zeit,
an der schon empor- und hinab-
und hinwegwuchs, was
ist oder war oder sein wird –,
ich weiß,
ich weiß und du weißt, wir wußten,
wir wußten nicht, wir
waren ja da und nicht dort,
und zuweilen, wenn
nur das Nichts zwischen uns stand, fanden
wir ganz zueinander.

ТАК МНОГО СОЗВЕЗДИЙ,
протянутых нам. Я был,
когда рассматривал тебя – когда? -,
не здесь, в
иных мирах.

О, эти пути, млечные,
о, этот час, что
прибавлял нам тяжесть ночи к
бремени наших имён. То,
знаю я, не правда,
что мы жили, только
слепо шло дыханье между
Там и Не-здесь и Иногда,
подобно комете просвистывал глаз
к угасшему, в ущельях,
там, где оно угасало, стояло
пышными сосками время,
на нём и вверх, и вниз,
и вдаль уж прорастало то, что
есть иль было иль будет -,
я знаю,
я знаю и ты знаешь, мы знали,
мы не знали, мы
ведь были здесь и не там,
и иногда, когда
стояло между нами лишь Ничто, мы находили
полностью друг друга.

Настоящая публикация осуществлена по следующим изданиям: Paul Celan, Mohn und Gedächtnis 1952 Deutsche Verlags-Anstalt, München, in der Verlagsgruppe Random House GmbH («Осина», «Сальная свеча», «Corona», «Кто как ты»), Paul Celan, Sprachgitter. Gedichte 1959 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main («Tenebrae»), Paul Celan, Die Niemandrose. Gedichte 1963 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main («Земля была в них», «Так много созвездий»), с разрешения соответствующих издательств и с любезного согласия Эрика Целана.